Лиханов Альберт Анатольевич (писатель – 70 лет; юбилей) 16.09.05

388

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА

Моск. правда. – 2005. – 16 сент. – с. 10

В минувший вторник исполнилось 70 лет Альберту Анатольевичу ЛИХАНОВУ. Известный писатель, лауреат Государственной премии России, международных премий им. Я.Корчака, В.Гюго, М.Горького, президентской премии в области образования, он 18 лет возглавляет Детский фонд, который «пробил» еще в советские времена и является, пожалуй, ведущим экспертом в такой некоммерческой сфере деятельности, как права ребенка и защита этих прав.

Несмотря на то, что Российский детский фонд – общественная организация, а Международная ассоциация детских фондов, которые возглавляет А.А.Лиханов, – объединение общественных фондов, наш первый вопрос все-таки носит «экономический» характер.

Незваные беды

– Что такое фонд вообще – в нашей державе? О фондах мы слышим многое, и не всегда доброе. Достаточно вспомнить Национальный фонд спорта, образованный в ельцинскую эпоху, когда для поддержки этого самого спорта везли в Россию эшелонами бельгийский спирт и разнообразное курево. До того доторговались, что перестреляли друг друга.

– Вот видите, вы уже почти ответили на ваш вопрос. Верно – слово фонд дискредитировано в России, хотя ведь сами-то по себе слова не виноваты. Как ни ругают слово «деньги», но слову этому от отрицания понятия, которое оно заключает, ни тепло, ни холодно.

Во всем мире слово и понятие «фонд» означает в общем-то одно и то же: деньги и управление ими. Существует великое смысловое многообразие понятия фонд. Мы, нынешние «россияне», знаем, что у нас есть государственный Пенсионный фонд. Любая организация, завод, компания платят за своего работника взносы в этот фонд, и таким образом собранные средства идут на выплату пенсионерам – молодым и старым. Работающие люди, как правило, работоспособное поколение «содержат» таким образом своих ближайших предшественников. Но теперь входит в моду новая система накоплений – взносы отчисляются на себя, любимого, и чем кончится эта величайшая из российских экономических эпопей, одному Богу известно – слишком отдалены и непредсказуемы последствия: хотим как лучше, а кончается, как всегда.

Знаем мы Фонд социального страхования, Фонд медицинского страхования, туда тоже идут отчисления работодателей – в помощь инвалидам, на содержание медицины. Но при этом, как знаете, расцветает платная медицина. Мне известно, что в США, например, медицинская страховка – это спасение почти от всех бед: и от тяжелых, операбельных вариантов болезней сердца, и от онкологии, и от многого иного. Понятно, надеюсь: не спасение от болезни, – тут уж как повезет. Но специальная медицинская помощь крайне дорогостояща, не всякий человек ее одолеет экономически – так вот страховка принимает эти расходы на себя. Расскажу такую историю. У нас есть в Белоруссии подопечная девочка **Саша Гуща**. Совсем она крошкой была, когда произошло несчастье. Мать вышла из дому встретить из школы старших детей, а спящую грудную девочку оставила в коляске. В доме. До сих пор неясно как – все электроприборы были выключены – в деревянном доме занялся пожар. Когда мама Саши подбежала к дому, он уже во всю пылал. У матери случился обширный инфаркт. Коляску вытащили, но девочка была наполовину обгоревшей. Я помню, как Сашина мама рассказывала мне про советы добрых людей: *«Ты молодая, родишь еще, да у тебя и есть уже двое, не печалься, Бог дал, Бог взял»*. Это предыстория.

История. Мать и отец не отступились от девочки. Ее оперировали в Минске и так, и сяк. Отец кинулся на севера, чтобы зарабатывать деньги. Белорусские врачи сделали чудо – сохранили девочке жизнь. Но этого оказалось решительно мало – у нее сгорело лицо, обе руки, часть тела. Требовались сложнейшие восстановительные операции. Семья не выдерживала. Мать написала письмо в «Труд», а его перепечатала петербургская англоязычная газета для интуристов. И вот она случайно попадает доброму человеку, американцу, тот передает ее своему другу, хирургу. Девочку вызывают в США и делают первый цикл операций. Телевидение рассказывает о ней. Тогдашний Президент США **Б.Клинтон** видит этот сюжет. По его поручению связываются с хирургами-операторами и выясняется: девочке нужны десятки тончайших, а, значит, дорогостоящих операций на протяжении многих лет. Президент подписывает распоряжение: за счет медстрахования все операции Саше в Америке делать бесплатно.

Не подумайте, что я рассказываю рождественскую притчу про доброго дядю **Сэма,** хотя искреннее ему спасибо. Это просто история о мощном Фонде медстрахования, который если уж нашей девочке помог, то своим помогает без долгих разговоров. А Саше, между тем, сделано в общей сложности больше 40 операций, большинство в Америке. Бесплатно.

Хорошо бы нам такой же благодетельный фонд иметь. Он есть. Но, увы, не такой всемогущий. И не справляется со всеми дорогостоящими операциями. Но об этом чуть позже...

Завершая же разговор о Фондах, замечу, что во всех «развитых» странах, кроме государственных, куда входят, например, наш Стабилизационный фонд, есть разнообразные Фонды развития, есть раскрученная система инвестиционных государственных и частных фондов. Понятно, что они предназначены для консолидации капиталов на какое-то экономическое развитие. И огромную роль играют фонды общественные, средства которых собираются из *добровольных* отчислений граждан, организаций, компаний – на цели, которые определены Уставами таких фондов. К сожалению, наше законодательство здесь очень несовершенно.

– А в чем тут дело?

– С одной стороны, на мой взгляд, надо ужесточить процедуру создания фондов. Сегодня три человека могут написать заявление, сочинить устав, дать свои паспорта, открыть счет – и Фонд готов. Очень часто это делается, чтобы что-то спереть и «распилить».

С другой стороны, у нас ликвидированы налоговые преимущества фирм, отчисляющих часть доходов общественным фондам. Раньше компания могла отчислить 3% (чрезвычайно мало!) облагаемой налогом прибыли в такой фонд, как наш, – и эти 3% исключались из налогооблагаемой базы. Теперь это элементарное право отменено. Осталось частное право гражданина 25% его годового заработка освобождать от налога, если он передает его в общественный фонд. Но почему не 100%, не 200%? Ведь это же заработок частный? Да потому, что наша чуткая казна с волшебным и страшным именем Бюджет Бюджетович, которому все покорно, боится потерять 13% подоходного налога частного гражданина, априори полагая: мол, все олигархи тут же кинутся отмывать и без того-то плоский подоходный налог.

Логика ясна и проста, как осиновый кол, заранее забитый в могилу гражданского общества, еще даже не вполне и рожденного-то, но уже определенно умерщвленного.

Поясню. Для того, чтобы такого отмыва не произошло, надо усложнить создание фондов «на троих», по существу запретив эту «малину». Во-вторых, сосредоточить законодательство на общественных, публичных, т.е. принадлежащих и подконтрольных всем. Резко видоизменить процедуру учреждения корпоративных фондов, несмотря на то, что корпорации, компании, крупные фирмы сегодня есть главная экономическая сила страны. И пусть они при этом не обижаются. Однако, при этом их надо освободить от налога на большую, чем 3% налогооблагаемой прибыли – для *добровольной* передачи этой прибыли *специализированным общественным* фондам, число которых также стоит ограничить, но резко укрупнить – как по получаемым капиталам, так и по их территориальному влиянию. На мой взгляд, предпочтительны общероссийские общественные фонды с отделениями и средствами во всех регионах, с правом перераспределения поступающих средств по территориям и усилением помощи прежде всего бедствующим слоям населения. Но это чисто российская данность. Впрочем, важны еще два условия: воля донора превыше всего – он назначает все – от адреса до выбора форм и назначения проекта (например, строительного). Второе же – полная прозрачность расходования этих средств, всесторонняя, оговоренная договором или законом отчетность – окончательная и периодическая.

Надеюсь, ни у кого не вызывает сомнения, что Америка умеет считать деньги. Что правда, то правда. Налоговая отчетность – жестока до устрашения. Налоги же растут в геометрической прогрессии, а вовсе не плоские, как у нас. Однако, законодательство позволяет высвобождать из-под налогов большие *личные* и *корпоративные* доходы, если они переданы в *общественные* фонды. Этих фондов достаточно много (по моим сведениям, около 3000), но не так много, как у нас. Чтобы учредить фонд, надо пройти *сложную систему проверки* – от кредитных до личных историй учредителей или историй организации, их учреждающих. Предполагается жесткая отчетность.

Но существуют: проценты, передаваемые фонду на организацию работы и т.н. фондрайзинг, специально учреждаемые фирмы по сбору благотворительных средств, которые имеют определенный законом процент на свои труды.

Как мне известно, средний годовой консолидированный бюджет таких американских фондов достигает 300 миллиардов рублей. Освобождая эти деньги на нужды общества, американский Бюджет Бюджетович, не менее, впрочем, жесткий, чем наш дяденька, осуществляет *важнейшие для страны и людей* цели: предоставляет гражданскому обществу право иметь свою собственную, независимую от государства экономику, финансово осуществлять социальное волеизъявление, поддерживает человеческое самовыражение, желание быть полезным, наконец, дает человеку или компании увековечить себя в реализации общеполезной цели. Наши коллеги в США не раз показывали мне медицинские, реабилитационные социальные, детские, культурные центры – от клиник, университетских корпусов, до театров и музеев, созданные *на освобожденные от налогов* вложения попечителей *через общественные и благотворительные фонды.*

– У нас в ходу выражение: третий сектор. Что подразумевается?

– Под ним подразумевается все общественные движения и организации. Но это, по-моему, неполноценное «подразумевание». Я бы договорил сие понятие до конца: *третий сектор экономики.* Первый – госэкономика, второй – частная, третий – общественная, то есть независимая от бюджета, законом умышленно высвобожденная от налогов *специально* основанная для гражданского *социального и культурного волеизъявления* экономика. Так что поминая «третий сектор» – безденежный, зависимый, нужный государству лишь на словах, не мешало бы прибавить к нему слово «экономика», дать волю и компаниям, и гражданам, и, по моему разумению, сильно рвануть вперед по пути консолидации общества, взаимной помощи друг другу, в том числе, внебюджетной помощи слабым, что интересует меня в первую очередь.

– Детскому фонду 18 лет. А как он выглядит, так сказать, экономически? Вы говорите о прозрачности и отчетности. Какова она у вас?

– За 18 лет мы оказали помощь – с 1987 по 91 год детям СССР, а с 1991 по 2004 год включительно детям России на 180 миллионов долларов. Никогда не получали бюджетной помощи. В 2004 году собрано 180.200 тысяч рублей (6 млн. 213 тыс. долларов), израсходовано на помощь детям 160.588. Разница между этими цифрами – переходящие платежи. Однако, хочу заметить, что это консолидированная сумма Российского детского фонда (центральное правление) и всех его местных организаций. Еще одна деталь: как всякая хозяйствующая организация, в нашем бухгалтерском отчете мы ведь не только деньгами оперируем. Вот подарили нам книги, даже не новые, уцененные. Мы ставим их на баланс в денежном выражении. А передавая детской библиотеке или детскому дому, делаем то же самое. Так что детские трусишки, памперсы, брюки, медикаменты – все здесь, в этой сумме.

Она невелика. Нужды же детского мира – страдающего, часто невидимого миру благополучному, сытому, – чрезвычайны. И эти $6 млн. в год – сущая малость, нас это не устраивает решительно. Хорошо бы читатели, и не обязательно самые могущественные, а просто преуспевающие, просто состоятельные, включились в наши проекты и программы, в работу наших центров.

Программы наши разновелики – от помощи одной уникальной семье, до общероссийских, по-настоящему масштабных.

Вот есть у нас такая программа «Семейный детский дом». Исходим вот из чего. Растет сиротство в России, вокруг этого много шума, в том числе международного. Вот погибли 13 усыновленных ребятишек в Америке. Беда, трагедия. Все возмущены, особенно дамы-депутатки: не отдавать, ужесточить! Легко сказать – не отдавать! Только за прошлый год «впервые выявлено» 132 тысячи детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. В общей сложности их сейчас под 800 тысяч. А с 1988 по 2004 год включительно (это наш, Детского фонда, учет) их было 1 миллион 611 тысяч душ. Многие выросли (иные погибли) – но где они, что с ними? Ни одна государственная система за сие не отвечает и не ответит. Ответит лишь одна институция – семья. Вот для того (еще в 1988 г.) мы создали систему семейных детских домов. Ее суть: муж и жена, имеющие своих детей, отец и мать берут из казенок не меньше пяти детей (а взяли и 10, и 15!). Семью **Сорокиных** в Ростовской области прошли 45 брошенных детей, и за каждого они отвечают, да так, что ни одному интернату такое не по силам. Двоих детей принесли с волчьей пастью и заячьей губой – глядеть невозможно. По этой причине – глядеть невозможно! – бросили их кровные матери, а мать приемная, **Татьяна Васильевна**, дважды кровь свою во время первых операций давала этим младенцам. А потом еще по 10-11 операций с нашей помощью им сделала. Всех детей спасли, вынянчили, вылечили, выучили, профессию дали, женили да замуж выдали. И вот 1 июня звонят мне: *«Докладываем. Мы еще двоих младенцев усыновили»*.

Не знаю, проймет ли читателей эта история, но я чту Сорокиных великой семьей – и как им не помочь? Ведь они получают от казны только деньги на содержание детей. И что-то вроде зарплаты – по договору подряда. Граждане-господа, российская власть, где ваш не музыкальный, но экономический слух? Договор подряда можно заключить на выращивание бычков или поросят, но не на воспитание детей!

Так вот ведет детей-сирот такая семья всю собственную жизнь, как родители каждого из нас, и это они, лишь они, могут рассказать, как сложилась судьба каждого, кого приняли. Всего таких семей у нас 368, там выросло 2700 детей. Если бы не глухота чиновников, уж как минимум в 10, в 100 раз число семейных детских домов можно бы увеличить.

Вот дал Президент театрам 400 миллионов. Полезное дело, спасибо! Но дайте такие же деньги на создание семейных детских домов. Мы купим им дома, мебель, транспорт, утварь, одежду. Еще тысяча детей спасется. Несколько полных театральных залов. Разве худо?

Впрочем, справедливости ради скажу: Президент давал этим детям по 10.000 руб. на каждого, всего 25 миллионов – и какая же это была победа!

– Но это целое гражданское движение. А какова же тогда программа, посвященная одной семье? Что за семья такая?

– Помните, несколько лет назад было сахалинское землетрясение? Так вот, в том горе горьком разглядели мы горе горчайшее. **Марина Игоревна Минина** – вот имя этой величайшей из матерей. А трагедия такова. От удара подземного погибли ее мать, отец, брат, племянники, и – вдумайтесь и ужаснитесь! – все *четверо* собственных детей. Марину прижало бетонной плитой. Выжил один муж. Марину отправили в Хабаровск, ампутировали обе ноги. Родню и детей похоронил отец – ее муж. Кое-как Марина выкарабкалась. Дали однокомнатную квартирку, машину подержанную – передвигаться без ног как-то надо, пенсию в 2000 рэ. Продолжай жить, гражданка Минина: помогли, как могли! А как ей мочь? Как смочь? Муж на работу никак не устроится, днем малость левачит на машине. Вечером сойдутся – жить нечем! Нельзя жить! Пробовали наш вечный русский наркоз – сорокаградусную. Чтоб утихла боль – каждый вечер. Марина сказала мне: *«Чувствую – конец. Спиваемся»*. А сами-то еще вполне молодые.

И вот без всякого образования русская женщина, повариха в прошлом, принимает великое по Божьей мудрости решение. *«Для нас, – говорит мужу безногая женщина, – единственный выход – родить ребеночка»*. И родили. А потом еще одного. И восприяли. И являют собой негромкий, но великий пример материнства и человечьей силы. Десятки, сотни тысяч здоровых молодых женщин бросают своих неповинных ребятишек не за понюх табака, а Марина-то ими спасается. Спаслась.

На пенсию да детские пособия не проживешь, тем не менее. Вот мы и платим этим ее двум малышам по 2000 рублей в месяц до их совершеннолетия. А дальше и говорить не хочется...

– Про этих детей?

– Вот именно. По налоговому законодательству, мы вынуждены вычитать из этих детских стипендий 13% подоходного налога. Остолбенелый Бюджет Бюджетович и присные его в Думе и налоговой службе все, что мы даем и этим и иным детям, и что более 2000 рублей в год (!) велят облагать подоходным налогом, превращая наш Детский фонд в работодателя, а детей, которым помогаем, в работников фонда. Не слабо, а? Исключение только для чеченских да бесланских детей (и взрослых), которые испытали агрессию терроризма. Представьте себе: 15 лет дивлюсь крохоборству законодателей. В первые-то 3 года мы были освобождены от всех налогов, и казна младенцев оброком не облагала. В бдении своем Дума сама себя перебедла, как та унтер-пришибеева вдова.

Вообще хочу заметить, что, по-моему, госчиновничество, куда входит как исполнительная, так и законодательная власть, в упор не видят общества, сил, которые там сосредоточены и являют собой то самое гражданское общество. Мы как будто обретаемся в непересекающихся плоскостях. Не раз в прошлые времена бывал на парламентских и сенатских слушаниях по проблемам детства. Серьезные лица, стенограммы. И мнимые решения в виде благих намерений, никогда не осуществляемых. Что-то, хотелось бы знать, даст Общественная палата? Шанс, возможно, есть, но мы все уже знаем: пока не услышит и не распорядится лично Президент, ничего пробить не удастся.

– И все-таки, Альберт Анатольевич, ведь вы не только глава Детского фонда, но еще и писатель, публицист, академик Российской академии образования. С чем приходите вы к своему 70-летию в этих, теперь, возможно, «смежных» сферах вашей деятельности?

– Уж так получилось, что идея Фонда вышла из моих книг, а теперь мои книги выходят из идей Фонда. Все слишком сильно переплелось. Мои «свежие» романы «Никто» и «Сломанная кукла» – вопли в защиту детства. Но при нынешних тиражах кто услышит эти вопли? Совсем уж новые повести «Крёсна», «Лежачих не бьют», «Те, кто до нас», входящие в роман «Русские мальчики», хоть и про войну, но полностью обращены в наше время, к новым испытаниям – деньгами, совестью, покинутостью.

Стремлюсь к трудам, которые хоть и есть мое собственное творчество, но организационно, что ли, принадлежат детям: к юбилею издательский, образовательный и культурный центр «Детство. Отрочество. Юность» выпустил совершенно необычное мое Собрание сочинений, состоящее из 20 книг, в картонном чемодане с ручкой – чтобы книги было удобно перенести к детям – в лагерь, детский дом, больницу, даже в места заключения. А книги из этого чемоданчика делятся на три сериала: дилогия «Русские мальчики» и «Мужская школа» (для детей), «Уже не дети» (для подростков) и «Не забудь!» (для родителей, учителей, вообще – для взрослых). Чемоданчики эти уже приходят в школы и библиотеки, чтобы двигаться дальше – к детям. В этом я вижу реализацию одной из наших важных программ «Духовная защита». Для нее же создан и придуманный мной учебно-методический комплект «Уроки нравственности», куда входят мои видеобеседы с выдающимися гражданами России – Патриархом **Алексием**, физиком **Алферовым**, актером **Безруковым**, кардиохирургом **Бокерия**, генералом **Варенниковым**, муфтием **Гайнутдином**, модельером **Зайцевым**, певцом **Кобзоном**, олимпийской чемпионкой **Родниной**, драматургом **Розовым**. Речь в беседах – о важных нравственных качествах, составляющих человеческую личность. Как бы хотелось, чтобы этот видеоучебник пришел в каждую школу!

Понимаете, еще 18 лет назад я принял решение, что тихое писание о страстях человеческих – это не для меня. Ведь страсти кипят в натуре, в жизни, а если уж говорить о страстях и печалях детских, то стыдно отворачиваться в сторону человеку, который об этом пишет, и, так сказать, сострадает на бумаге. Дело требуется.

Когда-то **Виктор Петрович Астафьев**, сам сирота, член правления Детского фонда первого состава, тогда еще Советского, услышав мою речь на съезде народных депутатов СССР, встретил меня в проходе зала КДС с глазами, полными слез и благословил: *«Не бросай, делай дело свое, оно зачтется»*.

Зачтется или не зачтется, не нам решать. Жаль лишь, что труды мои, на что я себя никогда не щадил, нужны лишь тем, кому помогаешь, да и то не всегда, с разными оговорками. Неспроста нет в других наречиях такого истинно русского выражения: *«Ни одно доброе дело не остается безнаказанным»*.

Но меня утешают и другие, уравновешивающие, наверное, русские речения. Например, такое: *«Сироту пристроить, что храм построить»*.

Дело мое и соратников моих – бездонное. Горечь, во искупление которой трудимся, во сласть не превратишь. Боль, если она одна, утишить, пожалуй, и можно, но если от боли кричат враз 800 тысяч сирот, 700 тысяч маленьких инвалидов, неведомые нам невзрослые наркоманы, бездомные, никому не нужные дети – как все это приголубить, умиротворить, успокоить?

Нет ответа. Нужен терпеливый бесконечный труд. В древнем, церковном слоге есть чудное, сдержанное, горькое слово: страстотерпец. Терпи страсти – свои и чуждые. Может, это имел в виду Астафьев?

Виктор СМИРНОВ.